

На правах рукописи

Сливкова Юлия Викторовна

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ТЮРЕМ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ ТРАВМАТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Симферополь – 2022

Работа выполнена на кафедре культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Научный руководитель **Карабыков Антон Владимирович**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Официальные оппоненты **Сапанжа Ольга Сергеевна**, доктор культурологии, профессор, директор института художественного образования, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Николаенко Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры»

Защита состоится «20» сентября 2022 года в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 900.006.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» по адресу: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 20, зал защит диссертаций.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» по адресу: 295007, Республика Крым, просп. Академика Вернадского, д. 4, и на сайте университета по ссылке: <http://http://science.cfuv.ru/slivkova-yulia-viktorovna>.

Автореферат разослан: «___» _____ 2022 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
Д 900.006.01

А. Н. Володин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Высокие темпы технического прогресса и динамика социально-культурных изменений обострили проблему сохранения культурного наследия. Его традиционное понимание как совокупности подлежащих государственной охране объектов постепенно сделалось недостаточным. Многоаспектность понятия культурного наследия и междисциплинарный характер посвящённых ему работ привели к расширению поля исследований. Так, в последней трети XX века началось осмысление трудностей, связанных с сохранением материальных свидетельств трагических событий. Исследования этого типа образовали в итоге особое направление – *trauma studies*. В его рамках был разработан свой концептуальный аппарат и методология, обеспечившие возможность изучать травматический опыт как составляющую культурной реальности. Так как понятие коллективной исторической травмы предполагает единство события и памяти о нём, область *trauma studies* неизбежно пересекается с полем науки о культурном наследии. Всё это делает актуальными исследовательские проекты, которые посвящены сохранению и репрезентации наследия, связанного с негативным социальным опытом.

Особое место среди объектов, причастных к травматическому наследию, занимают тюрьмы. В них воплощается несколько граней рассматриваемого понятия. Во-первых, многие тюрьмы являются местами гибели людей; во-вторых, как хранители памяти о наказании, они выполняют роль свидетелей жестокости преступников и/или мучений жертв. В центральных районах многих российских городов до сих пор расположены действующие тюрьмы. Большинство из них помнит все политические режимы последних полутора столетий и давно подлежит музеефикации. Заметим, что эта проблема стоит не только в областных центрах, вроде Владимира, Екатеринбурга, Астрахани или Чебоксар, но и в городах федерального значения. В связи с Москвой

можно упомянуть Бутырскую тюрьму и Матросскую тишину, в связи с Санкт-Петербургом – Кресты. Важно и то, что целый ряд учреждений этого рода располагается в тюремных замках с вековой историей. Чаще всего условия содержания заключенных в таких технически устаревших зданиях уже давно являются ненадлежащими. Историки и представители пенитенциарной системы, как правило, солидарны в том, что на фоне отсутствия в России отлаженных механизмов трансформации закрытых тюрем и колоний в иные социальные или коммерческие заведения, музеефикация этих объектов представляется наиболее логичной.

Говоря обобщённо, музеефикация служит одной из самых действенных мер, позволяющих предотвратить разрушение объектов историко-культурного наследия. В настоящее время вкупе с ростом интереса к практико-ориентированным исследованиям различных музейных институтов уделяется всё больше внимания использованию историко-культурного потенциала регионов. Как следствие, наблюдается увеличение инициатив, направленных на обеспечение сохранности самых разных исторических объектов, включая бывшие тюрьмы. При этом отличительной чертой последних является их идеолого-символическая многогранность, эстетическая проблематичность и воспитательная амбивалентность, что служит причиной неоднозначного, порой конфликтного отношения к ним в обществе.

Соответственным образом, **проблема диссертационного исследования** в научно-теоретическом плане определена назревшей необходимостью провести комплексный анализ музеефикации бывших тюрем в контексте меняющихся политических, идеологических, экономических и других условий, а в научно-практическом плане – очевидной нехваткой обоснованных, эмпирически проверенных методик и рекомендаций в сфере управления этим процессом и его оптимизации.

Степень научной разработанности темы.

Сложность и междисциплинарный характер проблем музеефикации травматического наследия потребовали обращения к широкому спектру работ,

содержащих результаты культурологических, музееведческих, социолого-политологических, исторических и философских изысканий. Мы не могли ограничиться только культурологическими наработками, поскольку в них проблема музеефикации тюрем и прочих пенитенциарных учреждений изучена лишь фрагментарно (см. работы О.В. Беззубовой, Н.В. Самовер, В.С. Стафа, А.Ю. Сериковой, Д. А. Хлевнюк).

Практики сохранения и использования культурного наследия являются естественным продолжением изучения мемориальной культуры, теоретическую основу которого составляют парадигмальные труды Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Рикёра, П. Нора, П. Хаттона.

Понятие мемориальной культуры непосредственно связано с концептами исторической коммуникации и культурного опыта, значительный вклад в разработку которых внёс А.Я. Флиер, Л.Н. Коган, Г.М. Маклюэн, А.Н. Леонтьев. Обращение к интересующей нас проблематике активизируется в рамках музееведения. Оно исследуется в работах В.Г. Ананьева, М.Б. Гнедовского, Е.Н. Мастеницы, О.С. Сапанжи. Не подлежит сомнению, что музеи занимают важное место в системе социальной памяти современного общества. Хотя эта роль их ещё до конца не изучена, мы многим обязаны здесь идеям В. Беньямина, Т. Беннета, Г. Люббе, Ю.М. Лотмана, М.Л. Шуб, З.А. Бонами.

Специфика и нюансы музеефикации тюрем остаются почти не изученными в отечественной науке. Чаще всего тюрьмы-музеи анализируются как места памяти жертв политических репрессий или места заключения известных культурных и общественно-политических деятелей. Так, например, история Омского острога чаще всего затрагивается в работах, посвящённых Ф.М. Достоевскому. При этом в настоящее время происходит подъём исследований, в которых тюрьмы-музеи изучаются как объекты туризма, что вызвано трендами в сфере музейной политики. Масштабный анализ такого рода был проведен канадскими учёными Дж. Пише и К. Валби. Они изучили

45 тюремных музеев Канады. Помимо стратегий музеефикации и структуры экспозиций ими были исследованы социально-экономические условия создания тюрем-музеев, различия в репрезентации заключённых и сотрудников тюрьмы, впечатления экскурсантов. Первостепенной для нашей темы также явилась книга М. Уэлша «Побег в тюрьму» (2015), ставшая для нас своеобразным «путеводителем». Она ценна богатством фактического материала и новаторским использованием идей Э. Дюркгейма и М. Фуко в анализе современных тюремных музеев. Отдельного упоминания заслуживает монография российского ученого Н. Эппле «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах» (2020). Изучая опыт проработки травматического прошлого в нескольких культурах, Эппле справедливо критикует современные коммеморативные практики, которые, на его взгляд, мало способствуют осознанию чудовищных преступлений XX века.

Разнообразие практических форм музеефикации тюрем говорит о необходимости изучать контекст, мотивы и механизмы производства и сохранения этого вида культурного наследия, которые всё ещё ожидают своих исследователей.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить воздействие социокультурных факторов на музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев, рассматриваемые как форма культурной интеграции травматического наследия.

Для реализации поставленной цели выдвигаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть современные тенденции в области музеефикации культурного наследия;
- 2) выявить специфику травматического наследия и провести анализ связанных с ним форм коммеморации;
- 3) на основе анализа российского и международного опыта музеефикации тюрем разработать критерии оптимальной классификации тюрем-музеев;

4) изучить стратегии и формы музеефикации бывших тюремных объектов;

5) рассмотреть своеобразие российского и, в частности, сибирского социокультурного контекста, обуславливающего музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев;

6) исследовать кейсы трёх тюремных музеев, расположенных в Сибирском федеральном округе, и проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы, описав историю их создания, дав классификационную характеристику и проведя анализ посетительского восприятия и истолкования травматического наследия, представленного в них.

Объект исследования: процесс музеефикации бывших тюремных объектов и его результат – тюрьмы-музеи.

Предмет исследования: социокультурные факторы, влияющие на музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев; в отношении процесса музеефикации – его стратегии и формы; в отношении тюрем-музеев – их типологические признаки и критерии классификации.

Теоретическая и практическая значимость диссертации в первую очередь определяется тем, что, принадлежа сфере междисциплинарных исследований, анализ воздействия социокультурного контекста на музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев вносит вклад в развитие таких актуальных культурологических направлений, как *trauma studies*, история наказаний и пенитенциарной системы, изучение мемориальной культуры, а также в музеологию и изучение туристической индустрии. Ключевые положения диссертации способствуют более глубокому пониманию проблем сохранения тюрем как объектов травматического наследия и могут быть использованы для создания теоретических курсов, спецкурсов учебно-методических пособий по культурологии, музеологии и индустрии туризма. Кроме того, результаты исследования будут полезны при разработке проектов музеефикации пенитенциарных учреждений и создании экспозиций в тюрьмах-музеях.

Методология и методы исследования

Методологическая база диссертации вбирает в себя соединение общенаучных методов *формальной (дедукция и индукция) и диалектической логики, типологии и систематизации*, которые используются в изучении эмпирического материала и выработке теоретических положений. *Историко-теоретический* метод применяется при анализе научной литературы, электронных каталогов и баз данных по исследуемой проблематике. С помощью *компаративного метода* осуществлен детальный анализ международного опыта музеефикации тюремных объектов. *Функциональный анализ* тюремных музеев позволил создать целостное представление о данном феномене современной мемориальной культуры.

Источниковую базу исследования составили:

1. Теоретические и практические исследования в области музеефикации объектов культурного наследия.
2. Коллекции музеев, фото и видео-материалы о коллекциях, сайты музеев, виртуальные туры и экскурсии.

Научная новизна исследования

Настоящая работа являет собой попытку создать целостное представление об обширной группе явлений, которые очень часто рассматриваются изолированно друг от друга. Такой подход обеспечил возможность сформировать целостное понимание феномена тюрьмы-музея путём комплексного рассмотрения различных аспектов его формы, содержания и прагматики, а также специфики функционирования, факторов и условий интеграции в культурное пространство региона. Проблемы, сопутствующие музеефикации тюрем, изучены в динамическом контексте происходящих социокультурных изменений. Осуществлен анализ процессов реставрации и преобразования бывших мест заключения; изучены особенности организации экскурсионной деятельности в музеях данного типа с учетом посетительских впечатлений и трактовок. Разработаны критерии для новой, более оптимальной, классификации тюрем-музеев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Наиболее приемлемыми формами коммеморации травматического наследия служат сакрализация и музеефикация, которые способны органично дополнять друг друга. Фокусируясь на жертвах трагических событий, сакральная коммеморация уделяет косвенное внимание вопросам ответственности за случившееся и, как правило, предшествует другим коммеморативным формам, включая музеефикацию. Этим первенством она обязана своему свойству смягчать негативный эмоциональный фон, который сопутствует травматическому наследию и умышленно нагнетается в тюрьмах-музеях. Ситуация в современной России отличается тем, что далеко не всегда прослеживается чёткая грань между сакрализацией и музеефикацией.

2. Использование классической музееведческой классификации применительно к тюрьмам-музеям представляется недостаточным. Более оптимальная классификация, эскиз которой предложен в работе, должна строиться на основе таких критериев, как ведомственная принадлежность тюрьмы-музея, характер инициаторов и временные рамки его создания, охват исторического отрезка, представленного в экспозиции, общая направленность музея и тип хранимого наследия, расположение и ассортимент предоставляемых музеем услуг. Будучи взаимосвязанными, эти критерии позволяют осмыслить всю многогранность тюрьмы-музея как социального института и культурного феномена.

3. Тюрьма-музей предоставляет широкой публике эксклюзивный доступ к подлинным реалиям тюремного заключения. При этом практика музейного показа предполагает сохранение известной психологической и эстетической дистанции между посетителем и реальным опытом отбывания наказания. Как и политико-идеологическая интерпретация экспозиционных материалов, эта дистанция может по-разному нюансироваться и варьироваться от музея к музею и даже в пределах одной организации. Так формируется эфемерный личный опыт, рождающий ощущение сопричастности к травматическому наследию, представленному в тюрьме-музее.

4. Наиболее распространенной формой музеефикации упразднённых тюрем служит консервация. Вторая стратегия предполагает реставрационные работы, в процессе которых воссоздается интерьер того исторического периода, в который действовала данная тюрьма. Третья стратегия опирается на художественную реконструкцию и используется в бывших местах заключения, где не сохранились камеры, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем. При этом к числу общих факторов, влияющих на процесс музеефикации тюремных объектов, относятся идеолого-политические, эстетические, экологические, инфраструктурно-территориальные, экономические и психологические, а также потребность в обеспечении безопасности, если действующая тюрьма находится в городской черте.

5. Деятельность тюрем-музеев в регионах Западной Сибири обусловлена совокупностью факторов и отчётливой прагматикой, которые определяют их миссию, экспозиционный нарратив, подбор экспонатов и комментарии к ним. Так, исключительно мемориальный характер музея (Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», г. Томск) делает главенствующей роль просветительских функций. Такой музей нередко претендует на роль авторитетного эксперта в соответствующей области исторического знания и предлагает научно-консультационные услуги (вышеназванный томский музей, Музей Сибирской каторги и ссылки, г. Тобольск). Расширение ассортимента услуг и включение рекреационных элементов способствуют быстрой интеграции тюремных музеев в культурное пространство региона, но могут препятствовать осмыслению и оценке трагических событий истории (вышеназванный тобольский музей, Церковно-исторический музей в посёлке Ложок Новосибирской области, проект музеефикации тюрьмы в г. Тюкалинск Омской области).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Представленные в исследовании положения о процессе музеефикации тюрем как форме культурной интеграции травматического наследия и о функционировании тюрем-музеев соответствуют п. 1.14 (Возникновение и

развитие современных феноменов культуры), п. 1.15 (Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества), п. 1.16 (Традиции и механизмы культурного наследования), п. 1.33 (Институты культуры и их функции в обществе), 1.35 (Культура и хозяйственно-экономическая жизнь общества) паспорта специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях и научно-методологических семинарах кафедр «История, философия и социальная коммуникация» (2016–2020 гг.) и «Туризм, гостиничный и ресторанный бизнес» (2018–2022 гг.) Омского государственного технического университета, озвучивались автором в докладах и выступлениях на российских и международных конференциях: «Современное состояние и потенциал развития туризма в России» (Омск, 2017–2021 гг.), «История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке» (Владивосток, 2018 г.), «Дни Ришелье в Гурзуфе» (Гурзуф, 2019 г.), «Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы» (Омск, 2019 г.), «Современное состояние и перспективы развития экологического туризма: российский и зарубежный опыт» (Омск, 2022 г.).

Материалы диссертации были отражены в ряде публикаций автора. По теме диссертационной работы опубликовано 6 статей, в том числе 3 – в журналах, включённых в реестр ВАК МОиН РФ.

Диссертация рассмотрена на заседании кафедры культурологии и социокультурного проектирования Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и рекомендована к защите.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленной целью и вытекающими из неё задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 116 источников. Объём диссертационного исследования – 147 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы работы, определяется объект и предмет исследования, сформулированы цель, задачи, положения, выносимые на защиту, аргументируется актуальность темы, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. В **Главе 1. «Концептуальные основы музеефикации травматического наследия»** описан генезис центральных понятий исследования, характеризуется их соотношение и системная взаимосвязь в рамках исследовательского поля, заданного темой и целью диссертации.

Параграф **1.1. Травматическое наследие в контексте культуры памяти** посвящен развитию научных представлений о коллективной памяти в общем и понятию культурной памяти в частности. Наиболее значимыми в этой научной сфере являются труды Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Я. Ассманна, А. Варбурга, П. Рикёра, каждый из которых исследовал определённые аспекты формирования и функционирования культурной памяти общества.

Основатель социологии Э. Дюркгейм изучал общество и культуру как целое, отдавая приоритет коллективному сознанию, выражающемуся в нормах морали и права, религиозных верованиях и мифах. Будучи сторонником теории Э. Дюркгейма, М. Хальбвакс рассматривал феномен культурной памяти и в социологическом, и психологическом ключе¹. Согласно его теории, память позволяет человеку ориентироваться в обществе благодаря тому, что комплекс воспоминаний способствует самоидентификации².

¹ Бегунова, Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №39. – С. 53-60.

² Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое изд-во, 2007. – С. 118-119.

Последователь М. Хальбвакса египтолог Я. Ассман ввел в научный оборот понятие культурной памяти. В его книге «Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (1992) это понятие определяется как особая форма актуализации ценностей культуры³. Один из ключевых тезисов теории Ассмана гласит о наличии в памяти каждого человека определённого набора представлений о культуре. Даже если человек их не осознает, они составляют коллективные воспоминания о прошлом. В этом смысле идеи Ассмана перекликаются с теориями К. Юнга и М. Элиаде⁴.

Ещё один приверженец идей М. Хальбвакса французский философ П. Рикёр осмысляет культурную память в историографическом контексте и приходит к выводу об упрощении памяти в результате выборочной архивации документальных свидетельств прошлого⁵. Немецкий искусствовед А. Варбург, рассматривающий произведения искусства как хранилища памяти, считает, что все артефакты являются «изобразительными символами культуры», которые лежат в основе социальной и индивидуальной идентичности⁶.

В последнее время область изучения культурной памяти расширяется за счёт междисциплинарных исследований коллективной исторической травмы. Понятие коллективной исторической травмы предполагает единство собственно события и памяти о нём. Вследствие этого исследовательское поле *trauma studies* неизбежно пересекается с полем науки о наследии. Непосредственная связь коллективной памяти с материальными свидетельствами свершившихся событий всесторонне рассмотрена в концепции «мест памяти» (*lieux de mémoire*) Пьера Нора, изложенной в его

³ Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 364 с.

⁴ Бегунова, Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №39. – С. 55-56.

⁵ Рикёр, П. Память. История. Забвение. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – С. 675-679

⁶ Варбург, А. Великое переселение образов. – М.: Азбука-классика, 2008. – 416 с.

многотомном труде «Франция-Память» (1992). П. Нора понимает «места памяти» не только как материальные свидетельства. По его убеждению, их нужно рассматривать и в материальном, и в символическом, и в функциональном аспектах. П. Нора интересны не события прошлого, а их репрезентации, так как «места памяти» не появляются сами собой – они живут благодаря желанию помнить, присущему определённым сообществам⁷.

В своей книге «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» (2006) культуролог А. Ассман, рассматривая формирование памятного места в ракурсе коллективной травмы, оперирует понятием «травматическое место» и утверждает, что фиксация воспоминаний и непосредственного опыта на материальных носителях является основой культурной памяти. Ассман справедливо замечает, что культурный императив памяти о травмах предполагает консервацию и музеефикацию травматических мест. Но эстетическая репрезентация некоторых событий, в частности, зверств Третьего рейха, фактически невозможна, как и их кодировка в виде определённого послания⁸.

Таким образом, на стыке идей *memory studies* и *trauma studies* постепенно оформилось исследовательское направление, ключевые проблемы которого связаны с сохранением и репрезентацией наследия, причастного к негативному социальному опыту. В основном этот опыт касается войн, тоталитарных режимов, рабства, геноцида и прочих социальных язв и катастроф.

Термин «негативное наследие» (*negative heritage*) был предложен антропологом Л. Меселл в статье «Негативное наследие и освоение прошлого в археологии» (2002). Она определила его как «конфликтное место, которое становится хранилищем отрицательной памяти в коллективном

⁷ Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 27.

⁸ Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 147.

воображении»⁹. В настоящее время, определяя такое наследие, учёные также используют термины: «травматическое», «трудное» и «диссонантное», – которые можно считать синонимичными. Характерной чертой наследия этого типа служит отсутствие типичных характеристик культурной ценности, негативный характер событий или явлений, с которыми это наследие связано, и неоднозначное общественное отношение к ним¹⁰. «Трудное» наследие считается инновационной, формирующейся категорией, под которой следует понимать «материальные и нематериальные свидетельства коллективных травм определенных сообществ, социальных групп»¹¹. Подходы к сохранению такого наследия отражают процессы (пере)осмысления обществом трагических исторических событий¹².

В трудах отечественных авторов можно выделить три направления осмысления травматического наследия:

1. Первый блок характеризует музеологический ракурс освещения «трудного» наследия. Наиболее значимыми в этом ключе являются исследования М. Б. Гнедовского¹³, З. Бонами¹⁴, В.Г. Ананьева¹⁵ и Д. Хлевнюк¹⁶.

2. Второй блок работ посвящён описанию и изучению конкретных музеев России, работающих с «трудным» наследием. Следует отметить, что

⁹ Meskell, L. Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology // *Anthropological Quarterly*. – 2002. – Vol. 75, no. 3. – P. 558.

¹⁰ Самовер, Н.В. «Трудное наследие» как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // *Журнал Института наследия*. – 2018. – № 3. – С. 3.

¹¹ Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // *Образование и культурное пространство*. – 2021. – №1. – С. 79.

¹² Там же.

¹³ Гнедовский, М.Б. Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести») // *Международный мемориал: проект «Уроки истории»*, 2022. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/1194> (дата обращения: 21.01.2022)

¹⁴ Бонами, З.А. Музей в дискурсе аффекта // *Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории* / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 51-78.

¹⁵ Ананьев, В.Г. Международная коалиция исторических мест совести // *Музей*. – 2016. – № 5. – С. 54-57.

¹⁶ Хлевнюк, Д.О. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории*. – М., 2019. – С. 109-110.

память о ГУЛАГе является главенствующим историческим сюжетом «трудного» наследия России¹⁷. Частные примеры мемориализации и музеефикации объектов ГУЛАГа описаны в работах В.С. Стафа¹⁸, С. Чуйкиной¹⁹, Е. Постной²⁰.

3. Труды третьего блока вводят в отечественную науку идеи, концепции и подходы зарубежных исследователей. Стоит отметить исследование О.Е. Черкаевой²¹, в котором подробно раскрываются предпосылки и этапы формирования музейной репрезентации «трудного» наследия национал-социализма в Германии, выделяются новые формы и места музейных интерпретаций²².

Существующие подходы и формы сохранения «диссонантного» наследия являются маркером того, насколько активно происходит процесс рефлексии над теми или иными трагическим историческим событиям в обществе и государстве. В отношении российской действительности можно сказать, что в стране фактически отсутствует внятная государственная мемориальная политика. Данный факт находит отражение в существующих коммеморативных практиках.

Сущность понятия «коммеморация» и специфика реализации различных её форм рассмотрены в параграфе **1.2. Формы коммеморации травматического наследия**. Утверждается, что коммеморация выступает репрезентацией прошлого, поскольку содержит в себе оценочную интерпретацию случившегося и отношение к нему, обусловленное

¹⁷ Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. – 2021. – №1. – С. 79.

¹⁸ Стаф, В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 183-187.

¹⁹ Чуйкина, С. Как рассказать о ГУЛАГе языком исторической выставки: «право переписки» в московском «Мемориале» // Laboratorium. – 2015. – №7(1). – С. 158-183.

²⁰ Постная, Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // INTER. – 2016. – №12. – С. 68-77.

²¹ Черкаева, О.Е. Тема национал-социализма в Германии: специфика музейного показа // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 9. – С. 129-133.

²² Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. – 2021. – №1. – С. 83-84.

сложившейся социокультурной ситуацией, идеологическим контекстом и властным императивом. Т.А. Смирнова указывает на наличие разных уровней коммеморации и соответствующих им форм:

1. На национальном уровне иницируются календарные коммеморативные практики (дни памяти и соответствующие им ритуалы); возводятся монументы и мемориальные комплексы.

2. На локальном уровне коммеморативные практики создаются по инициативе участников событий, их друзей и родственников с целью «индивидуализировать и персонифицировать память» о каждом причастном к этим событиям.

3. На личностном уровне осуществляется публичное обращение к различным источникам памяти, которые создаются свидетелями событий (дневниковые записи, мемуары, письма и т.п.)²³.

Наиболее приемлемыми формами коммеморации трудного наследия являются сакрализация и музеефикация. Эти две формы органично сочетаются друг с другом, но, как правило, сакральная коммеморация предшествует всем остальным. М.Б. Гуров отмечает, что возведение комплексных сакральных мемориалов служит актом примирения народов и выглядит более предпочтительной практикой, чем установка монументальных памятников. Ведь однозначных исторических персонажей практически нет, тогда как часовни и храмы не могут оскорбить ни память о павших, ни чувства ныне живущих²⁴. Музеефикация же является неоднозначной формой, поскольку допускает различные интерпретации артефактов и культурно-исторического контекста. Характерной особенностью музеефикации «трудного» наследия являются попытки

²³ Смирнова, Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №4. – С. 95-96.

²⁴ Гуров, М.Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации // Культурное наследие России. – 2018. – №1. – С. 59.

нивелировать масштаб государственных преступлений за счёт достижений (например, в науке, экономике или промышленности)²⁵.

Оценивая роль российских музеев в коммеморации «трудного» наследия, мы можем отметить, что потенциал музея в данной области используется не полностью, тогда как примеров непосредственного участия Русской Церкви в деле увековечивания памяти жертв репрессий – большое количество. В качестве яркой иллюстрации можно привести Бутовский полигон – крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий; возведение на Лубянке, на территории Сретенского монастыря, монументального Храма новомучеников и исповедников российских. Неоспоримым символом ГУЛАГа является Соловецкий монастырь. В Сибирском федеральном округе – это храм в пос. Ложок в Новосибирской области, построенный на месте штрафного Искитимлага, а также Ачаирский женский монастырь в Омской области.

Анализируя деятельность Русской православной церкви по сохранению памяти о советских репрессиях, В. Дорман приходит к следующему выводу: «Сегодня российское общество относится к Церкви с гораздо меньшим недоверием, чем к государству (написано в 2019 г. – Ю.С.), и, поскольку последнее медлит с официальным признанием жертв сталинизма, многие предпочитают поручить поминовение этих жертв Церкви»²⁶.

Некоторые активисты высказывают мнение о том, что исключительно православное поминовение жертв ГУЛАГа является недостаточным, а массовая канонизация мучеников, по сути, представляет собой «передачу функции хранения памяти государством Православной церкви»²⁷.

²⁵ Эппле, Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: «НЛО», 2020. – С. 48.

²⁶ Дорман, В. От Соловков до Бутово: русская православная Церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. – 2010. – №2. – С. 337.

²⁷ Там же, С. 335.

Нивелировать подобные противоречия могла бы параллельная музеефикация наследия ГУЛАГа.

Не подлежит сомнению, что музеи занимают важное место в системе социальной памяти современного общества. При этом, на наш взгляд, политика памяти, воплощаемая в музейной практике, содержит в себе ряд противоречий, которые являются прямым следствием изменений, происходящих в музейной сфере.

Анализу господствующих тенденций посвящен параграф **1.3. Тенденции музеефикации культурного наследия.** Многоплановость понятия культурного наследия и междисциплинарный характер посвящённых ему исследований привели к появлению разнообразных подходов, отличающих изучение разных его аспектов. Согласно концепции, предложенной Ю.А. Ведениным и П.М. Шульгиным, существуют следующие подходы к осмыслению культурного наследия:

1. Генетический подход рассматривает наследие как носитель исторической памяти, определяющий сохранение самобытности национальной или региональной культуры.

2. Экологический подход, в рамках которого наследие является основой устойчивого развития общества и биосферы.

3. Географический подход определяет наследие как основу сохранения культурного и природного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения²⁸.

В последнее время чаще говорят о необходимости рассмотрения культурного наследия в качестве экономического ресурса для развития региона. Теоретические вопросы осмысления культурного наследия неотделимы от изучения реализации практических мер по его сохранению, одной из которых является музеефикация.

²⁸ Веденин, Ю.А. Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием // Наследие и современность: информ. сб. – М.: Изд-во Ин-та культ. и прир. наследия, 2002. – Вып. 10. – С. 9-25.

В содержании пункта **1.3.1. Музеи в условиях социально-экономических трансформаций** рассмотрен процесс преодоления музейного кризиса в зарубежных странах и в России. Утверждается, что важнейшим его итогом стала коммерциализация музейной сферы, которая привела к ослаблению идеологической составляющей экспозиций. Музеи постепенно трансформировались в учреждения сферы социально-культурного сервиса, и теперь они предлагают спектр услуг. Невысокий входной барьер в отрасль способствует росту количества частных музеев, особенно в регионах с развитой туристской инфраструктурой. Музейное дело часто рассматривается как перспективное направление малого бизнеса, способное повысить инвестиционную привлекательность региона.

В пункте **1.3.2. Функциональная эволюция и классификация музеев** отмечается устаревание традиционной музейной концепции, которое привело к функциональным изменениям. Старые музеи сами по себе становятся памятниками, а новые совмещают в себе выставочные пространства, мастерские, зрительные залы и прочее. С ростом количества гражданских инициатив, направленных на сохранение объектов культурного наследия, возникла угроза перенасыщения архитектурной среды памятниками. На фоне отсутствия единого подхода к определению допустимого количества изменений объектов культурного стирается граница между их охраной и музеефикацией²⁹.

Всё большую актуальность приобретает вопрос классификации музеев. Долгое время основными классификационными признаками считались административная принадлежность учреждения и профильная направленность. Последние тенденции заставляют предположить, что с течением времени «чистые» в классификационном плане типы музеев будут встречаться всё реже. Вместо профильных принципов и административной

²⁹ Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного; вступ. ст., сост. указ. В. Куренного, М. Румянцевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 2-е изд. – С. 60-63.

принадлежности на первый план уже сейчас выходят формы коммуникации с посетителем и ресурсная составляющая музеев³⁰.

Пункт **1.3.3. Политико-идеологические факторы** раскрывает влияние общественно-политических изменений на положение музеев в системе социокультурной памяти общества. Современный музей вышел за рамки просветительского центра, и является агентом общественного мнения. Продвигая новые ценности, он оказывает непосредственное влияние на восприятие прошлого и формирование социокультурной идентичности. Вместе с тем музеи подвергаются критике за излишнюю нейтральность экспозиций, составленных без учёта истории происхождения коллекций, за гиперболизацию негативных черт прошлого и за замалчивание исторических фактов³¹.

Среди объектов, относящихся к травматическому наследию, особое место занимают тюрьмы. Они совмещают в себе несколько граней этого понятия. Во-первых, многие из них являются местами гибели людей; во-вторых, как хранители памяти о наказаниях, они берут на себя роль свидетелей жестокости преступников и мучений жертвы. Многие действующие тюрьмы помнят разные политические режимы и давно подлежат музеефикации.

Всестороннему рассмотрению музеефикации тюрем посвящена **Глава 2. Теоретические и практические аспекты музеефикации тюрем.** В ней утверждается, что практику музеефикации тюрем нельзя считать устоявшейся, несмотря на большое количество тюремных музеев. Между тем посредством своих экспозиций они могут предупреждать об опасности тоталитарных режимов и напомнить о ценности человеческого достоинства и свободы. предпосылать

³⁰ Сапанжа, О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии. – № 1(5). – 2012. – С. 3-5.

³¹ Решетников, Н.И. Музей как образовательный институт и глобальные вызовы современности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. – №3(18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-obrazovatelnyy-institut-i-globalnye-vyzovy-sovremennosti> (дата обращения: 16.03.2022).

В параграфе **2.1. Российский и международный опыт музеефикации тюрем** анализу существующих тюрем-музеев предпосылается обзор вариантов трансформации старого тюремного фонда под социальные нужды и бизнес-проекты. В настоящее время бывшие тюрьмы используют в качестве кинематографических декораций и выставочных пространств, преобразуют в объекты коммерческой недвижимости (гостиницы, развлекательные и офисные центры), передают образовательным учреждениям и даже переводят в жилой фонд. Однако большая часть закрытых тюрем подлежит сносу. В последнее время всё чаще звучит мнение, что независимо от причин закрытия тюрем относиться к ним нужно как к культурному наследию и соответственным образом решать вопрос их дальнейшей судьбы.

Подавляющее большинство современных тюремных музеев было открыто в период с 1961 по 2010 гг., причём заметный рост произошел после 1970 года³². Несмотря на растущую популярность, целесообразность музеефикации тюрем по-прежнему остается предметом дискуссий. Сторонники создания музеев подчёркивают значимость старых тюрем как объектов культурного наследия, но, глядя на дело с позиции этики, задаются вопросом об уместности их превращения в объекты досуга. Наряду с этим высказывается и другое мнение, по которому доступность тюрем широкой публике может оказывать негативное влияние на авторитет пенитенциарной системы.

На процесс музеефикации тюремных объектов могут влиять идеолого-политические, эстетические, экологические, инфраструктурно-территориальные, экономические и психологические факторы, а также потребность в обеспечении социальной безопасности³³. Исследования канадских учёных подтверждают, что результат преобразования тюрем

³² Костромина, Е.А., Сивова, А.А., Косолапов, Ю.В. Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – № 4(86). – С. 48.

³³ Шукан, А.А., Карасова, И.Ю. Негативные аспекты пенитенциарных учреждений в центре российских городов // Международный студенческий научный вестник. – № 5. – 2018. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18654> (дата обращения: 24.01.2022).

напрямую зависит от финансирующих структур³⁴. Так, большинство тюремных музеев в Канаде было создано и находится под управлением региональных ассоциаций, занимающихся сохранением культурного наследия. Это приводит к тому, что в экспозиции этих музеев есть экспонаты, касающиеся тюремного заключения, и экспонаты общеисторического характера³⁵. Государственные музеи, как правило, пропагандируют идею о том, что уголовное правосудие базируется на защите прав, чести и достоинства заключённых, а устаревшие практики заключения, включая телесные наказания, уходят в прошлое³⁶.

В России функционирует большое количество подобных музеев. Они встречаются практически в каждом городе, где есть крупная тюрьма или следственный изолятор. Учреждения, открытые на базе действующих тюрем, изначально задумывались как наглядное пособие для сотрудников УФСИН, а позже стали интересны обывателям. Посещение российских музеев при действующих учреждениях возможно только по предварительному согласованию, с обязательным соблюдением контрольно-пропускного режима. Для сравнения: в странах Юго-Восточной Азии, которые считаются основоположниками «тюремного» туризма, можно не только посетить действующую тюрьму с экскурсией, но и провести в ней ночь и даже выбрать сокамерника из заключённых³⁷.

В некоторых тюремных музеях сделан акцент на страданиях заключённых. Среди них тюрьма Дак Лэйк в Саскачеване и Тюрьма патриотов в Монреале. Экспозиции этих музеев продвигают идею о том, что тюремное заключение является инструментом доминирования и одним из

³⁴ Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Тюремный туризм: чтоб жизнь медом не казалась. – URL: <http://world-travel.uz/touristInfo/description/426-tyuremnyi-turizm-chtob-zhizn-medom-ne-kazalas.html> (дата обращения: 24.04.2022).

аспектов репрессивной политики³⁸. Сходную прагматику имеют экспозиции российских музеев, посвящённых жертвам политических репрессий. Обращаясь к опыту азиатских стран в вопросах музеефикации тюрем, мы можем привести пример камбоджийского Музея геноцида Туол Сленг в г. Пном-Пень³⁹.

Как ограниченная и недостаточная реакция на ситуацию, в которой пребывает сегодня пенитенциарное наследие из-за угрозы исчезновения, может рассматриваться создание виртуального музея. В этой связи интересен французский виртуальный музей «Criminocorpus», насчитывающий 39 виртуальных экспонатов, сгруппированных по нескольким темам: «Тюрьмы», «Каторга», «Искусство и правосудие», «Подозреваемые, обвиняемые, виновные», «Смертная казнь». Темы «Тюрьма» и «Каторга» включают 21 выставку самых разных участников⁴⁰. В России существует проект «Виртуальный музей Гулага», база данных которого представляет собой обширное собрание материальных свидетельств эпохи советского террора, рассредоточенных по музейным коллекциям, карты расположения лагерей и построек, захоронений заключённых, памятников и мемориальных досок⁴¹.

В параграфе **2.2. Классификация тюрем-музеев** развивается мысль о несоответствии тюрем-музеев критериям классической музееведческой классификации. Исследователи музейного мира неоднократно высказывали мнение об устаревании привычных подходов к классификации музеев, делая

³⁸ Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

³⁹ Память о геноциде собственного народа. Музей Туол Сленг, Пном-Пень, Камбоджа (1975-1979). – URL: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/1322> (дата обращения: 14.07.2020).

⁴⁰ Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

⁴¹ Виртуальный музей ГУЛАГА: [сайт]. – URL: <http://www.gulagmuseum.org/start.do> (дата обращения: 30.07.2020).

акцент на растущей популярности гибридных форм, сочетающих черты двух и более типов. Музеефицированные тюрьмы являются ярким примером такой гибридности, поэтому их актуальная классификация должна учитывать не только ведомственную принадлежность и профильную направленность, но также инициаторов и временные рамки создания, охват исторического промежутка в экспозиции, расположение объекта и ассортимент предоставляемых услуг. Необходимо отметить, что критерии классификации тюрем-музеев имеют выраженную взаимосвязь.

В параграфе **2.3. Принципы и стратегии музеефикации тюрем** утверждается, что наиболее распространённой формой музеефикации тюрем является консервация⁴². Например, в исторической тюрьме в Корнуолле (Канада) камеры и другие помещения находятся в том же состоянии, что и в 2002 году, когда тюрьма закрылась. По тому же принципу организована работа Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», расположенного на территории бывшей исправительно-трудовой колонии ВС 389/36 в деревне Кучино Чусовского района Пермского края.

Вторая стратегия предполагает реставрационные работы, в процессе которых воссоздается интерьер тех времён, когда тюрьмы выполняли свои первоначальные функции. Примером реализации такой стратегии является Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» (г. Томск).

Третья стратегия опирается на художественную реконструкцию и используется в бывших местах заключения, где не сохранились камеры, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем (Церковно-исторический музей при храме в честь новомучеников и исповедников в посёлке Ложок Искитимского района Новосибирской области).

⁴² Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviante et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

В тех случаях, когда пенитенциарное наследие находится под угрозой исчезновения, альтернативой музеефикации может быть создание виртуальных музеев. Необходимо отметить, что описанные выше стратегии музеефикации, как правило, используются параллельно, дополняя друг друга.

В параграфе **2.4. Музеефицированная тюрьма как культурный феномен** подчёркивается, что проблема музеефикации тюрем носит междисциплинарный характер и не может рассматриваться исключительно как технологический процесс сохранения объекта культурного наследия. Музеефицированная тюрьма – это не только объект, позволяющий понять и прочувствовать суть лишения свободы, но и культурный феномен, в полной мере раскрывающий характеристики особого вида наследия, называемого «трудным», «травматическим» или «диссонантным». Опираясь на концепцию «травматических мест» А. Ассман, описанную в книге «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» (2006)⁴³, можно выделить следующие характерные черты тюрем-музеев:

1. Посещение музеефицированной тюрьмы оказывает особое эмоциональное воздействие. Чувственная конкретика и аффективный колорит углубляют восприятие экспозиции посредством иллюзорной идентификации с чужой участью.

2. Музеефицированные тюрьмы одновременно аутентичны и инсценированы. Размещённые в бывшем пенитенциарном учреждении, тюремные музеи воспринимаются как подлинные исторические свидетельства, даже если в процессе музеефикации применены методы художественной реконструкции⁴⁴.

3. Полисемичность тюремных музеев прежде всего проявляется в различиях репрезентации образов сотрудников пенитенциарных учреждений

⁴³ Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 134-141.

⁴⁴ Welch, M. Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 63.

и заключённых. В первом случае акцент делается на профессиональных заслугах, подчёркивается вклад, внесённый в работу. Когда речь идёт о заключённых, их образы часто подвергаются стигматизации. В том случае, когда в тюремном музее есть мемориальный компонент, повествование в музейной экспозиции ведётся в основном от лица жертв.

4. Музеефицированная тюрьма символизирует культурную власть. Как и все музеи, тюрьма-музей опирается на практику «показа и рассказывания»⁴⁵. Соответственно, экспонирование артефактов рассчитано на воплощение и передачу определённых культурных смыслов и ценностей. Способность музея передавать культурные послания основывается на его репутации сильного и легитимного авторитета. Действительно, музей – это пространство, где людям предлагается исследовать тщательно подобранную коллекцию предметов, документов и изображений, и, хотя посетители имеют свободу передвижения, они по-прежнему ограничены заданным маршрутом⁴⁶.

Обозначенные выше тезисы подтверждаются эмпирическими данными, которые приведены в **Главе 3. Тюрьма-музей в культурном пространстве региона (на примере Западной Сибири)**.

В параграфе **3.1. Музеефикация «травматического» наследия в тюремных музеях Западной Сибири** говорится о том, что большинство сибирских тюрем-музеев открыты по инициативе сотрудников УФСИН и являются ведомственными. Музеи, работающие при действующих учреждениях, или вообще недоступны для посещения широкой публике, или имеют существенные ограничения. Оценка интеграции таких музеев в культурное пространство региона может быть осуществлена лишь условно. Затем рассматриваются кейсы трёх общедоступных музеев, по-разному демонстрирующих экспозиционный нарратив, подбор экспонатов и комментарии к ним. Структура кейса включает анализ классификационных

⁴⁵ Welch, M. *Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment* / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 63.

⁴⁶ Там же.

характеристик музеев, историческую справку о создании музея, описание содержания и структуры экспозиции и анализ восприятия музейной интерпретации «трудного» наследия. Функции рассмотренных музеев не ограничены задачами коллекционирования и исследования. Все три музея реализуют мемориальную миссию, транслируя обществу негативную оценку событий прошлого. При этом между ними есть принципиальные различия.

Содержание пункта **3.1.1. Мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» (г. Томск)** подтверждает гипотезу о том, что выраженный мемориальный характер экспозиции предопределяет сосредоточение внимания на отдельных личностях и судьбах. Демонстрация личных вещей репрессированных, аудиозаписи писем заключённых, выставка их поделок усиливает аффективный колорит восстановленных тюремных интерьеров. Экспозиция и логика экскурсий призваны показать масштабы сталинских репрессий, обесценивание человеческой жизни и отсутствие каких-либо рациональных объяснений всего произошедшего. Музей претендует на роль авторитетного эксперта в теме репрессий и транслирует категоричную оценку событий прошлого в назидание современному обществу.

В пункте **3.1.2.** рассмотрен кейс Музея Сибирской каторги и ссылки (г. Тобольск), который демонстрирует мотив противопоставления царской и советской пенитенциарной системы, чему способствует консервация материального наследия последней при тенденциозной реставрации первой. Отмечается существенная разница в восприятии музея после самостоятельного осмотра экспозиции и экскурсионного обслуживания. В этой связи важную роль играет выбор формы коммуникации музея с посетителями. Традиционная экскурсия остаётся эффективным способом трансляции исторической оценки событий и явлений, тогда как мастер-классы, квесты и игры неспособны делать это в достаточной мере из-за преобладания развлекательной составляющей. Вместе с тем разнообразие

предоставляемых услуг является подтверждением того, что музеефикация может стать основой успешной коммерциализации «трудного» наследия.

Создание Церковно-исторического музея при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви русской (пункт **3.1.3**) является примером сакральной коммеморации «трудного» наследия. Иницилируемая РПЦ мемориализация сталинских лагерей и расстрельных мест положительно воспринимается современным российским обществом. Однако на фоне отсутствия туристско-рекреационной инфраструктуры объединение мемориального и рекреационного элементов имеет негативный эффект: территория, прилегающая к храму, в котором расположен церковно-исторический музей, воспринимается прежде всего как место летнего отдыха. Но, учитывая небольшой срок существования музея и активную просветительскую деятельность Церкви, можно надеяться на постепенное улучшение ситуации.

Процесс интеграции травматического наследия в культурное пространство региона целесообразно рассматривать полностью. Учитывая это, в исследовательское поле включен пока не реализованный проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы (**параграф 3.2.**). Этот проект имеет большое значение для формирования местной идентичности Тюкалинского района Омской области, обещая способствовать росту туристской аттрактивности г. Тюкалинска. История пересыльной тюрьмы сопряжена со многими неоднозначно трактуемыми событиями; их прямые участники также являются героями минувшей эпохи. Анализ тематико-экспозиционного плана позволяет сделать вывод о многофункциональном характере музея с выраженной краеведческой компонентой. В этой связи травматическая составляющая тюрьмы-музея фактически отсутствует. Музейный эффект, обусловленный аутентичностью места, заметно ослабляется колоритом уездного города на Сибирском тракте. Этот колорит умышленно культивируется с подачи районной власти.

В **заключении** диссертации формулируется финальный тезис, согласно которому сакрализация, мемориализация и музеефикация тюрем и лагерей, по сути, является легитимацией травматического наследия, примиряющей население страны с её прошлым. Если общественный консенсус по отношению к такому наследию достигнут, то с течением времени травматическая составляющая «растворяется» в общеисторическом контексте. Эпохи наслаиваются друг на друга, и происходит постепенное преобразование объектов травматического наследия в формальные свидетельства непрерывного течения жизни.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

а) статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включённых в реестр ВАК РФ:

1. Сливкова Ю.В. «Трудное» наследие пенитенциарной системы: анализ экскурсии в Тобольский тюремный замок // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 4. – С. 175–180.

2. Сливкова Ю. В. К вопросу о классификации тюремных музеев // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – №1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/09KLSK122.pdf>

3. Сливкова, Ю. В. Музеефикация бывших тюрем: международный опыт и российская действительность // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – Т. 28. – № 1. – С. 139-151.

б) тезисы докладов на научных конференциях, статьи в научных журналах и сборниках научных трудов:

4. Сливкова, Ю. В. Экспозиционная деятельность музеев: трансформация как индикатор общественных изменений // Дни Ришелье в Гурзуфе. Сборник научных трудов IV научно-практической конференции. Под редакцией О.О. Пернацкой [и др.]. – Ялта, 2021. – С. 9-12.

5. Сливкова, Ю. В. Тюрьмы-музеи: объект мемориальной культуры или инструмент исторической политики? // История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке : материалы международного семинара, 15–18 октября 2018 г. / [ред. кол.: Ф.Е. Ажимов, П.Г. Добмаева, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 156-160.

6. Сливкова, Ю. В. Туристский потенциал тюрем-музеев // Современное состояние и потенциал развития туризма в России [Электронный ресурс] : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 дек. 2017 г., Омск, Россия) / М-во образования и науки РФ, ОмГТУ; Управление по развитию туризма М-ва культуры Ом. обл. ; под общ. ред. к.п.н., доц. Е. В. Кулагиной. – Электрон. текст. дан. (3,17 Мб). – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – С. 45-47.